МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№№ 15-16

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ Могилевѣ губернскомъ.

21 мая—1 іюня. Годъ XVI. 1898 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Высочайшія и отъ Святѣйшаго Синода награды по Могилевской епархіи.

Къ 6-му мая—дню рожденія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйше пожалованы: 1) **за службу по епархіальному вѣдомству**: а) *орденомъ св. Владиміра 4-й степени*—настоятель Могилево-Братскаго Богоявленскаго монастыря, архимандритъ *Аѳанасій*; б) *орденомъ св. Анны 3-й степени*—Могилевскаго уѣзда, церкви села Крюковъ, священникъ Стефанъ *Бекаревичъ* и того-же уѣзда, церкви мѣстечка Шклова, священникъ Петръ *Пославскій*; 2) **за службу по гражданскому вѣдомству** — *орденомъ св. Владиміра 4-й степени* — церкви мѣстечка Пропойска, Быховскаго уѣзда, протоіерей Ѳеодоръ *Сущинскій*; 3) **за службу по вѣдомству православнаго исповѣданія**: а) *орденомъ св. Станислава 2-й степени* - смотритель Оршанскаго духовнаго училища, стат. сов. Александръ *Пригоровскій*, б) *орденомъ св. Анны 3-й степени*—помощникъ смотрителя Гомельскаго духовнаго училища, стат. сов. Сергѣй *Уклонскій* и секретарь Могилевской Духовной Консисторіи, коллеж. асс. Валеріанъ *Добровольскій*; в) *орденомъ св. Станислава 3-й степени*—учитель Оршанскаго духовнаго училища стат. сов. Иванъ *Виноградовъ*, помощники смотрителей духовныхъ

училищъ, надвор. сов., — Оршанскаго — Павелъ *Адамовичъ* и Могилевскаго — Тимоѳей *Жудро*, преподаватель Могилевской духовной семинаріи, тит. сов. Ѳеодоръ *Жудро* и столоначальникъ Могилевской Духовной Консисторіи, коллеж. секр. Николай *Добровольскій*.

Ко дню рожденія Его Императорскаго Величества Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству: а) *саномъ протоіерея* — Сѣнненскаго уѣзда, церкви села Оболи, священникъ Викентій *Шабуніо*; Рогаческаго уѣзда, церкви села Залѣсья, священникъ Левъ *Пятибоковъ*; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ* — преподаватель Могилевской духовной семинаріи, іеромонахъ *Гавріилъ*; города Черикова, Троицкой соборной церкви протоіерей Александръ *Стратоновичъ*; Быховскаго уѣзда, церкви села Болонова-Сельца, священникъ Василій *Голынецъ*; Гомельскаго уѣзда, церкви села Очесо-Рудни, священникъ Николай *Суходольскій*; города Горокъ, Успенской церкви священникъ Георгій *Цитовичъ*; Горецкаго уѣзда, церкви села Ничипоровичъ, священникъ Антоній *Богдановичъ*; Горецкаго уѣзда, церкви села Шишева, священникъ Митрофанъ *Бекаревичъ*; законоучитель Могилевской мужской гимназіи, священникъ Павелъ *Думаревскій*; духовникъ Могилевской духовной семинаріи, священникъ Михаилъ *Якушевскій*; наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты по Могилевскому уѣзду, священникъ Константинъ *Жудро*; Чериковскаго уѣзда, церкви села Бѣли, священникъ Іоаннъ *Цитовичъ*; того же уѣзда, церкви села Комаровичъ, священникъ Димитрій *Вишневскій*; того же уѣзда, церкви села Силичей, священникъ Димитрій *Россовскій*; Оршанскаго уѣзда, церкви мѣстечка Ліозно, священникъ Андрей *Кедровъ*; Сѣнненскаго уѣзда, церкви мѣстечка Бобра, священникъ Савва *Еленевскій*; в) *камилавкою* — Оршанскаго уѣзда, заштатнаго города Бабиновичъ, священникъ Іоаннъ *Поливкинъ*; Оршанскаго уѣзда, церкви села Гусина, священникъ Іоаннъ *Адамовичъ*; Оршанскаго уѣзда, церкви села Барани, священникъ Николай *Щербовъ*; Горецкаго уѣзда, заштатнаго города Копыси, Свято-Духовской церкви священникъ Антоній *Орловскій*; Гомельскаго уѣзда, церкви села Барщовки, священникъ Петръ *Пославскій*; того же уѣзда, церкви села Красной-Буды, священникъ Симеонъ *Зеньксвичъ*; Климовичскаго уѣзда, церкви села Галичъ, священникъ Константинъ *Бекаревичъ*; Мстиславскаго

уѣзда, церкви села Ослянки, священникъ Антоній *Чудовичъ*; Чаусскаго уѣзда, церкви села Желивья, священникъ Іоаннъ *Рахманьковъ*.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія.

Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе: 5 мая—Московскому купцу Ивану *Иванову* за пожертвованіе имъ въ Климовичскую соборную церковь двухъ металлическихъ хоругвей и плащаницы, стоимостью въ 800 руб.; 8 мая—директору Киселевскаго сахарнаго завода, Кіевской губерніи, Акиму *Сироткину*, потомственному дворянину Адаму *Юркевичу*, крестьянамъ села Сѣровки, Гомельскаго уѣзда (артель рабочихъ на упомянутомъ заводѣ), Московскому фабриканту Серѣю *Мѣшкову* и попечительству Сѣровской церкви, Гомельскаго уѣзда, за пожертвованіе ими въ названную церковь разныхъ церковныхъ вещей, на сумму 292 руб.; 10 мая—отставному солдату села Хорошевки, Гомельскаго уѣзда, Ипатію *Кравцову* за пожертвованіе имъ на возобновленіе Хорошевскаго храма 100 руб.

Благодарность Епархіальнаго Начальства.

8 мая объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства купцу 1-й гильдіи Максиму *Заксу* за пожертвованіе имъ въ Сѣровскую церковь, Гомельскаго уѣзда, паникадила, стоимостью въ 450 руб.

Перемѣны по службѣ.

— Псаломщикъ Сверженской церкви, Рогачевскаго уѣзда, Василій *Бекаревичъ*, по опредѣленію Епархіальнаго Начальства отъ 7 мая, отрѣшенъ отъ занимаемаго имъ мѣста.

— Окончившій курсъ ученія въ Могилевской духовной семинаріи Иванъ *Чудовичъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 10 мая, назначенъ на псаломщицкое мѣсто къ Борколабовской церкви, Быховскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика при Климовичской соборной церкви Иванъ *Ляшкевичъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 21 мая, утвержденъ въ должности псаломщика.

— Назначенный на священническое мѣсто къ Симоновской церкви, Чериковскаго уѣзда, Димитрій *Жуковъ* 9 мая рукоположенъ въ санъ священника.

Вакантныя мѣста:

а) священническое при —

Рисковской церкви, Рогачевскаго уѣзда, съ 26 апрѣля; жалованья 333 р.; церковной земли 36 дес.; помѣщеніе есть; прихожанъ 676 д. муж. п. и 710 д. жен. п.

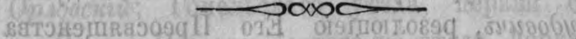
б) псаломщицкія при церквахъ:

1) *Высоковской*, Оршанскаго уѣзда, (второе) съ 30 марта; церковной земли 78 дес. 2100 кв. саж.; помѣщеніе есть; прихожанъ 1953 д. муж. п. и 1884 д. жен. п.

2) *Сверженской*, Рогачевскаго уѣзда, съ 7 мая; церковной земли 56 дес.; помѣщеніе есть, но ветхое; прихожанъ 801 д. муж. п. и 792 д. жен. п.

Отъ Могилевской Духовной Консисторіи.

Могилевская Духовная Консисторія симъ объявляетъ, что назначенное единовременное пособіе, въ количествѣ 15 руб., вдовѣ діакона Ксеніи *Цитовичъ* остается не выданнымъ за неизвѣстностью мѣстожительства послѣдней.

Отъ Коммиссіи по устройству Могилевскаго Епархіальнаго Церковнаго Древлехранилища *).

Съ 16 по 28 сентября 1897 года въ Древлехранилище поступили слѣдующіе предметы церковной старины:

Изъ Могилевскаго Братскаго монастыря: епитрахиль рытаго бархата съ золотошвейн. изображеніями Воскресенія Христова, Крещенія Господня и Сошествія Св. Духа; епитрахиль малиноваго бархата 1641 г.; фелонь рытаго бархата малин. цвѣта, съ изображ. золотошвейнымъ полож. Спасителя во гробѣ; поясъ золотош. голубого шелка; подризникъ зеленой шелковой матеріи; копіе стальное съ прорѣзнымъ крестомъ; крестъ ручной кипарисовый въ мѣдной оправѣ: надгробная таблица „богобойнаго инока" Арсенія Азаровича, на мѣди, 1652 г.; распятіе, вырѣзанное изъ доски, съ предстоящими: Божіей Матерью и ап. Іоанномъ; воздухи изъ шелковой матеріи; складень—обрѣтеніе честныя главы Іоанна Предтечи; крестъ деревянный на постаментѣ, безъ изображеній; служебникъ архіерейскій, рукописный, въ листъ, писанъ въ Кіевѣ до 1732 г.; библія на польскомъ языкѣ, Краковъ 1599 г.; минея-четья на польскомъ яз., готич. шрифтъ; литургиконъ, Уневъ 1731 г.; литургиконъ, Львовъ 1712 г.; анѳологіонъ, Львовъ 1651 г.; ирмологій въ 4 д., неизвѣстн. печати. смѣш. съ рукоп.; октоихъ, въ 4 д., Могилевъ, 1754 г.; тріѳологіонъ, въ 4 д., съ гравюрами, Могилевъ 1748 г.; евангеліе въ листъ, съ гравюрами, безъ оклада, въ Вевю 1644 г.; евангеліе въ листъ, безъ оклада, Москва 1694 г.; апостолъ въ листъ, безъ выходн. листа, вѣр. Львовъ до 1687 г., съ гравюр. и киновар.; апостолъ въ листъ, Львовъ 1696 г.; евхологіонъ въ листъ, до 1660 г., вѣр. Москва; евангеліе учительное, въ листъ, Кіевъ 1637 г., на западно-русск. яз.—рѣдкость; требникъ въ листъ, Кіевъ, 1644 г.,—рѣдкость; акаѳистникъ въ 4 д., безъ выход. л., неизвѣстн. печ., съ гравюрами; слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, СПБ. 1760 г., въ 4 д., съ портретомъ; икона Спасителя въ папской тіарѣ, въ рѣзной золоченой рамѣ (№№ 319—349.). Изъ Могилевской Успенской ц.: икона Воскресенія Хр., на холстѣ, безъ рамы; икона распятія І. Христа, на холстѣ, въ рамѣ; крестъ оловянный, литой, ручной; потиръ цинковый съ рѣзн. изобр. креста; блюда олов. 2, безъ орнамента и изображеній; шкафъ съ живоп. изображ. на обѣихъ сторонахъ дверецъ; поясъ золотош. по бархату, съ иниціалами П. С. Р.; портретъ свящ. Сумеона Ліоренцевича † 1848 г.; евангеліе напрестольное, Вильна, 1644 г., въ жестяномъ окладѣ; часословъ въ листъ, Кіевъ, 1742 г.; октоихъ въ 4 д., безъ выходн. листа, 1740 г., Кіевъ; анѳологіонъ въ листъ, Новгородъ-Сѣверскъ,

*) Продолженіе.—см. № 3.

1678 г.; псалтирь слѣд. въ листъ, Кіевъ 1750 г.; Вѣнецъ Христовъ, проповѣди недѣльныя, Кіевъ, 1688 г., ч. I и II; ирмологій рукописный въ 4 д., нач. 18-го вѣка; ирмологій рукописный въ 4 д., XVII в.; ирмологій рукописный въ 4 д., древній съ позднѣйшими вставками; простое пѣніе Бож. литургіи, употреб. при Высоч. дворѣ; хоругвь на холстѣ съ изображеніемъ св. Николая и великомуч. Димитрія, 1787 г.; медальонъ оловянный, литой (крышка) съ изображ. 4-конечнаго креста и надписью: іс ни ка; 2 рѣзныя фигуры ангеловъ; книга „Ключъ разумѣнія“ въ л., Кіевъ (№№ 350—371.). Изъ Бартоломеевской ц., Рогачевскаго уѣзда: образъ Спасителя и Богоматери съ предстоящими: св. Іоанномъ, Николаемъ и Гуліаніей, на холстѣ; образъ коронованія пресв. Дѣвы Маріи, на холстѣ; фелонь красн. шерстян. матеріи съ оплечьемъ изъ свѣтлой шерст. матеріи; фелонь голуб. шелка съ оплечьемъ изъ зеленаго шелка на синей крашенинѣ; фелонь изъ шелковой парчи коричн. цвѣта, съ оплечьемъ изъ такой же парчи бѣл. цвѣта (№№ 372—376). Изъ Рѣчковской церкви, Рогачевскаго уѣзда: подризникъ ситцевый, розов. и коричн. ситца: стихарь сѣраго ситца на холщевой подкладкѣ; подризникъ розоваго ситца на холщевой подкладкѣ; фелонь изъ бѣлой шелк. парчи съ оплечьемъ изъ желтой шелк. парчи, на холщевой подкладкѣ; подризникъ батистовый на бѣл. холщ. подкладкѣ; воздухи изъ голуб. шелковой парчи, обшитые по краямъ красн. шелкомъ; поручи изъ такой же парчи на черной холщ. подкладкѣ; поясъ изъ такой же парчи на ситц. подкладкѣ; шелковый покровъ съ нашитымъ шестиконеч. крестомъ, на синей крашенинѣ; покровъ изъ кусковъ старин. ситца, на роз. подкладкѣ; воздухи изъ бѣл. шелка, обшит. по краямъ зеленымъ шелкомъ; покровцы въ видѣ креста, изъ зелен. шелка на роз. шерст. подкладкѣ; покровцы въ видѣ креста изъ лилов. атласн. парчи, на коленкор. подкладкѣ; покровцы въ видѣ креста изъ чернаго бархата на коленкор. подкладкѣ, съ нашит. крест. изъ тем.-красн. атласа; поясъ изъ желт. атласа; 2 потира олов. гладкихъ; крестъ олов. на пьедесталѣ, четыреконеч. (№№ 377—394). Отъ прот. I. К. Мигая: сборникъ акаѳистовъ рукописный въ 4 д. л., на бумагѣ, 1802 г., съ подписью въ концѣ: „писалъ протоіеромонахъ Варлаамъ 1807 г. Іюня 30 дня“ (№ 395). Изъ Могилевской Крестовоздвиженской ц.: дарохранительница въ видѣ мавзолея на 4 колоннахъ, съ тремя финифт. образками и вставною гробницей, мѣдная; дароносица прямоугольная съ куполомъ на верху, съ гравиров. распятіемъ и предстоящими, мѣдная; дароносица такая же съ гравир. распятіемъ, копьемъ и тростію; плащаница на бѣломъ атласѣ 1777 г., подпись: „Тимоѳей Силиничъ писалъ“, на холщ. подкладкѣ; изображеніе Бога Отца въ рѣзн. орнаментѣ; изображ. Воздвиженія честн. креста въ рѣзн. орнаментѣ; изображ. бѣгства во Египетъ, на деревѣ,

западной живописи; тройной образъ въ видѣ раскрытаго складня, въ центрѣ Константинъ и Елена, слѣва Николай чуд., справа Борисъ и Глѣбъ; изображ. снятія съ креста, на холстѣ, въ дуб. рамѣ, вверху Богъ Отецъ и Духъ Святой, образъ св. велмуч. Параскевы, надпись: 1799 г. писалъ . . . ; стихарь изъ желт. атласной парчи, съ зелен. шелк. оплечьемъ, на крашен. синей подкладкѣ; покровъ красн. бархата, обшитый по краямъ зелен. шелк. и нашит. 8 конечный крестъ съ копіемъ и тростію; покровъ изъ красн. штофа, обшит. по краямъ зелен. шелкомъ, съ накладн. золотошвейн. углами; поручь бархатн. золотошв. (№№ 396—409). Изъ Могилевской Николаевской ц.: замокъ желѣзный XVII в. (№ 410). Изъ Телешовской и Тереничской ц., Гомельск. уѣзда: образъ честныя главы Іоанна Предтечи, изваянный на гипсовой доскѣ и раскрашенный; икона усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, на деревѣ; образъ св. Николая Чудотворца, на деревѣ; образъ Флора и Лавра, Модеста, Арх. Михаила и неизв. св. при нерукотвор. образѣ; образъ вел. Варвары, на деревѣ; изображ. Тайной вечери, на холстѣ; икона Бож. Матери всѣхъ скорб. радости, на деревѣ; хоругвь на холстѣ съ изображеніемъ Бож. Мат. и св. Николая; крестъ ручной деревянный съ живопис. изображ. распятія и крещенія; крестъ руконосный съ рѣзнымъ распятіемъ, деревянный, шестиконечный; оловянные и мѣдн. шейные кресты и медальоны съ 1768 г.—рѣдкость; плащаница на черномъ атласѣ; плащаница на голубомъ шелкѣ; 2 потира оловян. съ рѣзн. изображ. креста; звѣздица оловянная, съ кругомъ въ центрѣ; дарохранительница олов. въ видѣ ковчежца съ тремя куполами, орнаментированная, рѣдкость; вѣнцы жестян. неокрашен.; подризникъ холщ. съ ручною кружевною прошивкою внизу; подризникъ гладк. шелка на холщ. подкладкѣ; поручи парчев. и шелков., 7 штукъ; покровъ шелковый на крашен. подкладкѣ; покровъ ситцевый на крашен. подкладкѣ; покровъ подъ плащаницу, суконный, съ датою 1819 г.; воздухи изъ атласной парчи на черной ситц. подкладкѣ (№№ 411—435). Отъ свящ. І. І. Соболевскаго: медальонъ мѣдный, іезуитскій, съ изображеніемъ: Ign. de Laiola и Xaver. fr. S. I. (№ 436). Отъ Е. Р. Романова: мѣдныя русскія монеты XVIII в., числомъ 88. (№ 437). Изъ Могилевской Духовной Консисторіи; октай рукописный въ 4 д., на крюковой нотѣ, писанный въ Лаврентьевскомъ монастырѣ и дополнен. въ Гомельскомъ дѣвичьемъ, раскольническій,—рѣдкость; часовникъ рукописный въ 4 д., писанный въ сл. Городнѣ Гом. у.; тріодь цвѣтная, рукописная скорописью, въ 4 д., безъ начала и конца; тріодь цвѣтн. печатная, въ л., безъ нач. и конца, западно-русск. печати XVI в.; псалтирь печ. въ 8 д., безъ начала и конца, 18 в.; минея мѣсячная, 10 кн., безъ выход. л., издан. западно-русск., 18 в.; служба Божіей Матери Тихвинской, съ

чудесами. въ 4 д. безъ выход. л.; номоканонъ, сирѣчь законоправильникъ въ л., безъ выход. л., неизв. врем. и печ.; сводъ законовъ, рукописный въ л., 2 кн. 18 в.: сводное изложеніе, рукописное, въ л., 18 в.; Status Causae, суд. Георг. Конисскаго, въ мал. л., на польскомъ языкѣ, печ., доводъ Георг. Конисскаго по дѣлу съ Володковичемъ; сундукъ изъ-подъ архива, хранившагося въ кладовой архіерейск. дома, съ вис. замкомъ; архивъ, хранившійся въ кладов. архіерейскаго дома и переданный оттуда въ помѣщеніе архива Консисторіи, около 4149 докум. 16—18 в. (№№ 438—450).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Высочайшія и отъ Святѣйшаго Синода награды по Могилевской епархіи.—Преподаніе Архипастырскаго благословенія.—Благодарность Епархіальнаго Начальства.—Перемѣны по службѣ.—Вакантныя мѣста.—Отъ Могилевской Духовной Консисторіи.—Отъ Коммиссіи по устройству Могилевскаго Епархіальнаго Церковнаго Древлехранилища.—Объявленіе.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1898 г. 29 мая. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 мая—1 іюня. №№ 15—16. 1898 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОГИЛЕВСКАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА [1]).

Однимъ изъ вышеупомянутыхъ документовъ была „записка" княжны Дондуковой-Корсаковой. Княжна принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ личностей разсматриваемаго времени, которыя съ великимъ интересомъ слѣдили за развитіемъ женскаго образованія въ духовномъ сословіи и относились къ этому явленію съ искренней любовью. Она желала только, чтобы дѣвицы подготовлялись въ училищахъ не для одной лишь семейной жизни, а для болѣе широкой дѣятельности. Замужество ждало далеко не всѣхъ воспитанницъ, да и до семейной жизни у многихъ протекалъ не одинъ годъ по окончаніи курса. Наиболѣе подходящимъ поприщемъ дѣятельности для таковыхъ являлось народное образованіе. Приходя въ училища большею частію изъ деревень и возвращаясь, по завершеніи своего ученія, туда же, въ народную среду, воспитанницы, естественно, должны были представлять собой самыхъ подходящихъ труженицъ для таковаго поприща. Сознавая это, кн. Дондукова-Корсакова устраиваетъ въ 1860 году въ имѣніи своего отца (въ Псковской губерніи) нѣчто въ родѣ курсовъ, на которые поступали желающія изъ воспитанницъ Царскосельскаго, Ярославскаго и другихъ училищъ; здѣсь онѣ обучались пріемамъ школьнаго дѣла. Въ западномъ, латинскомъ краѣ такая дѣятельность воспитанницъ имѣла-бы особенное значеніе: распространяя образованіе, она ограждала въ народѣ православіе и русскую народность отъ тлетворнаго

[1]) Окончаніе, см. № 13.

вліянія польско-іезуитской пропаганды. И вотъ, какъ только преобразованіе Буйничскаго пріюта стало близко къ осуществленію, княжна поспѣшила обратить вниманіе правительства на практическое примѣненіе знаній воспитанницъ къ жизни темнаго люда. Свои соображенія по этому предмету она изложила во всеподданнѣйшей запискѣ на имя Государыни Императрицы. Княжна въ данномъ случаѣ проэктировала подготовку воспитанницъ даже къ двоякаго рода дѣятельности.

„Въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, около Барколабовскаго монастыря, между прочимъ писала она, можно, съ содѣйствія мѣстнаго губернскаго начальства, устроить больницу. Этой больницей могла бы завѣдывать сестра Аполлинарія, настоящая начальница Буйничъ, бывшая сестра милосердія въ Севастополѣ. Передъ выпускомъ изъ заведенія воспитанницы, которыя пожелали бы оказать пособія больнымъ, могли бы, подъ ея руководствомъ, пріучаться къ этимъ занятіямъ. Другія же молодыя дѣвушки, воспитанницы Буйничъ, у которыхъ проявится призваніе быть воспитательницами, могли бы въ деревняхъ, окружающихъ Барколабовскій монастырь, заниматься съ дѣтьми въ сельскихъ школахъ, подъ надзоромъ опытной наставницы, знакомой съ новѣйшими способами преподаванія“.

По прибытіи въ Петербургъ Преосвящ. Евсевія, кн. Урусовъ, согласно волѣ Государыни Императрицы, передалъ ему (23 іюля 1862 г. № 5062) записку княжны, прося дать по содержанію ея свое заключеніе. Черезъ недѣлю Преосвященный уже возвратилъ записку и при семъ писалъ кн. Урусову (30 іюля, № 64) слѣдующее: „Имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, слѣдующее: предположеніе о пріученіи воспитанницъ Буйницкаго училища дѣвицъ духовнаго званія—обучать дѣтей грамотѣ и ходить за больными, по содержанію своему, не чужды содержанію устава, составленнаго для этого училища: воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія въ училищѣ имѣетъ одной изъ цѣлей то, чтобы онѣ въ послѣдствіи времени, когда будутъ матерями семейства, могли обучать своихъ дѣтей грамотѣ и ходить за ними, какъ свойственно благовоспитаннымъ матерямъ, и въ здоровомъ ихъ состояніи и въ случаѣ болѣзни, а также имѣть попеченіе и о другихъ членахъ дома; но по средствамъ предположенія сіи неудобоисполнимы и неблагонадежны. Ни Буйничское училище, ни Барколабовскій монастырь не имѣютъ никакой

возможности завести ни больницу, ни сельское училище. И гражданское начальство, какъ показываетъ приложенное къ дѣлу письмо г. Губернатора Могилевскаго, также съ своей стороны находитъ это невозможнымъ [1]). Неблагонадежны потому, что ни родители, ни близкіе родные воспитанницъ, по окончаніи курса ихъ воспитанія, не могутъ охотно оставлять ихъ въ предполагаемыхъ около Барколабовскаго монастыря сельскихъ школахъ или въ больницѣ для хожденія за больными. Къ достиженію цѣли воспитанія обучающіяся въ училищѣ дѣвицы должны быть приготовлены въ продолженіи опредѣленнаго шестилѣтняго курса ученія. Этого времени довольно и для того, чтобы сообщить воспитанницамъ нѣкоторыя понятія о хожденіи за больными и объ обученіи дѣтей грамотѣ. Есть случаи и для того, чтобы воспитанницы не только слушали понятія, но и повторяли ихъ на дѣлѣ, или по своимъ понятіямъ умѣли учить дѣтей и ходить за больными. Въ Буйницкомъ училищѣ воспитанницы старшаго возраста въ опредѣленные часы обучаютъ грамотѣ новопоступающихъ въ училище малолѣтнихъ дѣвицъ, въ домѣ не обучавшихся грамотѣ или мало обучавшихся. Также въ случаѣ какой-либо болѣзни которой-либо изъ воспитанницъ, старшія воспитанницы ухаживаютъ за больной. Начальница сообщаетъ воспитанницамъ понятія о средствахъ къ леченію обыкновенныхъ болѣзней, не требующихъ необходимаго присутствія врача. Подъ руководствомъ начальницы воспитанницы сами приготовляютъ и полезныя травы, употребительныя въ болѣзняхъ отъ простуды и прочихъ. Когда Буйницкое училище получитъ преобразованіе по составленному для него уставу, съ штатнымъ окладомъ, тогда при усиленныхъ средствахъ еще удобнѣе будетъ достигать той цѣли, чтобы воспитанницы пріобрѣтали необходимыя для нихъ въ предполагаемомъ семейномъ состояніи понятія о томъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ и какъ ходить за больными. И этихъ свѣдѣній, по ихъ назначенію, достаточно будетъ для нихъ. А потому не настоитъ необходимости искать новыхъ ненадежныхъ способовъ къ обученію Буйницкихъ воспитанницъ въ больницѣ и сельскихъ школахъ,

---

1) По отсутствію „въ распоряженіи губернскаго начальства средствъ къ устройству такихъ заведеній“, (какъ писалъ Могилевскій Губернаторъ Беклемишевъ отъ 22 іюня 1862 г. Оберъ-Прокурору Св. Синода.).

которыхъ нѣтъ и которыхъ открытія не предвидится въ скоромъ времени".

Соображенія Преосвящ. Евсевія имѣли рѣшающее значеніе относительно проэкта кн. Дондуковой-Корсаковой. Другимъ документомъ, полученнымъ въ Св. Синодѣ изъ Канцеляріи Ея Величества, была „записка о Могилевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія"[1]. Имѣя столь общее заглавіе, „записка" содержитъ въ себѣ замѣчанія на разные пункты устава, присланнаго Преосвящ. Евсевіемъ; при чемъ большинство этихъ замѣчаній направлено противъ устройства училища при монастырѣ. „Записка" изъ Св. Синода передана была Могилевскому Архипастырю, который съ своей стороны не замедлилъ представить обстоятельныя объясненія относительно всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ на его проэктъ.

Эти объясненія признаны были въ Св. Синодѣ вполнѣ основательными, и дѣлу дано было дальнѣйшее движеніе. Заключеніе Духовно-Учебнаго Управленія относительно представленнаго Могилевскимъ Владыкой проэкта устава получило, наконецъ, утвержденіе Св. Синода (Опредѣл. отъ $\frac{9\text{ янв.}}{10\text{ дек.}}$ 1862 г. № 5998). Согласно указаніямъ даннаго заключенія, уставъ подвергнутъ былъ нѣкоторому измѣненію и въ этомъ исправленномъ видѣ вмѣстѣ съ штатомъ Высочайше утвержденъ былъ 26 января 1863 года. Въ это время Преосвящ. Евсевія уже не было въ Петербургѣ, и ему о таковой волѣ Государя сообщено было въ Могилевъ 5 марта. Открытіе училища Владыка рѣшилъ произвести въ началѣ предстоящаго учебнаго года, чтобы, такимъ образомъ, имѣть вполнѣ достаточно времени для подготовки всего необходимаго новому заведенію. Наконецъ, 3 сентября 1863 года Архипастырь извѣщалъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Ахматова о совершившемся торжествѣ. „3-го числа текущаго мѣсяца сентября, читаемъ въ донесеніи Владыки, открыто Могилевское училище дѣвицъ духовнаго званія, согласно Высочайше утвержденному въ 26 день января сего 1863 г. уставу. По сему случаю совершена была мною съ почетнѣйшимъ Могилевоградскимъ духовенствомъ и училищными наставниками[2], въ при-

[1]) Кѣмъ и гдѣ была составлена эта „записка", въ дѣлѣ указаній не имѣется. По характеру высказанныхъ здѣсь соображеній она напоминаетъ вышеприведенныя „замѣчанія" кн. Урусова на проэктъ Батюшкова.

[2]) Таковыми по § 7 устава опредѣлены были два священника монастыря и діаконъ.

сутствіи начальницы и воспитанницъ училища и стороннихъ посѣтителей, Божественная литургія въ церкви Буйничскаго женскаго монастыря. По окончаніи ея учиненъ изъ церкви крестный ходъ въ домъ, занимаемый училищемъ, въ которомъ совершены водоосвященіе съ окропленіемъ дома св. водою и благодарственный Господу Богу молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, всему Царствующему Дому и Святѣйшему Синоду".

25 сентября Хозяйственное Управленіе, согласно утвержденному штату, отправило для содержанія училища, на срокъ съ 1-го сентября до 1-го января, 825 р. 83 к. На этомъ и прекращаются бывшія у насъ подъ руками документальныя данныя относительно преобразованія Буйничскаго пріюта въ училище для дѣвицъ духовнаго званія [1]).

Преподаватель Пензенской дух. сем. *А. Троицкій.*

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ, КАТОЛИЧЕСТВО и ПРАВОСЛАВІЕ.

(Сравнительная характеристика).

Въ своей обширной статьѣ подъ заглавіемъ „Эрнестъ Ренанъ" и его „Жизнь Іисуса Христа", напечатанной въ „Богослов. Вѣст." за 1893 годъ, проф. Московской духовной академіи М. Д. Муретовъ останавливается, между прочимъ, на сравнительной характеристикѣ протестантизма, католичества и православія. Характеристика эта, имѣющая въ виду показать, что православіе, „какъ средина между крайностями протестантизма и папизма и какъ равновѣсіе двухъ противоположныхъ склоненій - истина, все примиряющая, все объемлющая, всечеловѣческая, всехристіанская, соборная," настолько наглядно доказываетъ данную мысль и главное настолько удобопонятна и вообще интересна, что мы считаемъ не лишнимъ, хотя и съ запозданіемъ, — познакомить съ нею нашихъ читателей. Вотъ эта характеристика.

„Начнемъ съ протестантизма. Войдемъ въ нѣмецкую кирку.

---

[1]) Краткія свѣдѣнія изъ дальнѣйшей исторіи училища до помѣщенія его во вновь устроенномъ зданіи въ г. Могилевѣ включительно см. Могил. Епарх. Вѣд. 1884 г. № 20 и 1892 г. № 34. *Ред.*

Православнаго человѣка прежде всего въ ней поразитъ отсутствіе той, благоговѣніе и молитвенное настроеніе вызывающей, обстановки, какая имѣется въ православныхъ храмахъ. Голыя скамьи и голыя стѣны. Невольно закрадывается предчувствіе, что вы находитесь не въ домѣ молитвы, не въ храмѣ Бога Живаго, а въ мрачной школѣ отвлеченностей и суемудрія, премудренныхъ тонкостей, туманной діалектики, безплоднаго пустословія. Ваше предчувствіе скоро оправдывается. Священнодѣйствіе доведено до невозможнаго минимума, почти все оно замѣнено приторно-слащавымъ речитативомъ бездарныхъ кантатъ Лютера, лишенныхъ всякой силы, всякаго духа, всякой жизни... Вы не молитесь, читая и воспѣвая эти кантаты, а умилительно поучаетесь чему-то вамъ непонятному, чуждому, ненужному, противно самодовольному. Но вотъ появляется проповѣдникъ-пасторъ и своею часовою проповѣдью окончательно убѣждаетъ васъ въ томъ, что вы—не въ храмѣ Божіемъ, не въ домѣ воспитанія, возгрѣванія и возвышенія религіознаго чувства, а въ школѣ протестантскаго богословія и всѣхъ его тонкостей—, гдѣ по всѣмъ правиламъ логики и діалектики въ васъ вызываютъ буржуазное чувство самодовольства тѣмъ, что вы спасены и вамъ нѣтъ нужды съ усиліемъ входить въ Царство Божіе и *творить* правду. Такъ это и въ теоретической (догматической), и въ практической (канонической) сторонѣ протестантизма. Почитаніе святыхъ отринуто, молитвеннаго общенія съ загробными членами Церкви нѣтъ, таинства ограничены до минимума и превращены въ отвлеченнопоучительные символы для усвоенія плодотворныхъ истинъ, отвержена вся исторія Церкви, разорвана связь прошедшаго съ настоящимъ, наконецъ и сама видимая Церковь или земное Царствіе Божіе уничтожено и сведено къ единоличной особи каждаго вѣрующаго. Каждый христіанинъ есть выразитель и представитель Христа, Коего гласъ онъ долженъ выслушивать въ себѣ самомъ, не провѣряя себя соборнымъ самосознаніемъ всѣхъ членовъ Царства Божія на землѣ. Каждый христіанинъ есть царь, священникъ и учитель себя самого... До полнаго отрицанія евангельской исторіи и историческаго Христа, до разрѣшенія всего въ символъ, миѳъ, идею, до боготворенія каждой особи человѣческой и возведенія ея въ самоискупителя—остается одинъ только шагъ, который и дѣлаетъ Страуссъ на почвѣ Гегелевскаго идеализма. Въ духовномъ лонѣ Лютера Гегель и Страуссъ

заключались какъ уродливые, но постепенно-естественные выродки и исчадія протестантизма.

Перейдемъ теперь къ папизму. При входѣ въ костелъ васъ поразитъ живость статуй и картинъ, какъ будто небо перенесено сюда для соприсутствія при богослуженіи вмѣстѣ съ вѣрующими чадами земной Церкви. Но всмотритесь ближе, и вы замѣтите, что это перенесеніе неба на землю совершено путемъ оземляненія неба, его оплотяненія, матеріализаціи. Васъ удивляетъ этотъ художественный реализмъ позъ и выраженій,—эти Мадонны, нарисованныя съ натурщицъ,—эти статуи, убранныя въ современные костюмы, благодаря коимъ вы можете принять статую святаго за простаго живаго смертнаго. Тамъ вдали вы замѣчаете какъ будто фигуру крестьянина, подходите ближе, и каково-же ваше изумленіе, когда вы убѣдитесь, что это Христосъ... Христосъ, превращенный въ современнаго крестьянина, Мадонна съ натурщицы — не есть ли это уже маленькій Ренанъ въ зародышѣ,—Ренановскій Христосъ въ художественно-реальномъ видѣ Галилейскаго плотника-учителя... Но вотъ раздались звуки органа и капеллы. Вамъ невольно припоминается чувственность ветхозавѣтно-сѣновнаго богослуженія, гусли и органы, трубные звуки и пѣсни, скаканіе и играніе (вспомнимъ Св. Витта и др.). А капелла заставляетъ васъ выслушивать звуки итальянскаго концерта совершенно въ стилѣ оперы, съ страстными выкрикиваніями соло и бурными порывами хора и органа... Вы не можете провести раздѣльной черты между храмомъ и театромъ... Но является патеръ, и васъ еще болѣе поражаетъ театральная иллюзія: размѣренныя движенія, заученныя позы, искусственные жесты, театрально-произносимые возгласы... Вы готовы забыть, что видите священника въ храмѣ, а не актера въ театрѣ. Вся обстановка папистическаго храма, музыка, пѣніе, священнодѣйствія, церемоніи —все разсчитано на художественную реализацію религіознаго чувства въ плотяно-чувственныхъ формахъ,—на возбужденіе не возвышеннаго религіознаго чувства, а низменныхъ и земныхъ впечатлѣній плоти. Такому земному настроенію папистическаго храма и богослуженія вполнѣ отвѣчаютъ и присутствующіе богомольцы. Если протестантъ чинно, съ чопорною холодностью и внимательно сидитъ въ киркѣ на скамьѣ, уткнувшись въ книжку, точь въ точь какъ прилежный школьникъ: то въ папистическомъ костелѣ вы постоянно

встрѣтите или ползущую къ Мадоннѣ по ступенямъ богомолку или распростертаго долу богомольца. Невольно закрадывается мысль о ветхозавѣтномъ рабствѣ нравственно-религіознаго сознанія, объ отсутствіи чувства сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, о забвеніи словъ великаго Апостола, что Господь есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода; мы же всѣ открытымъ лицемъ взираемъ на славу Господню, преображаясь въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа (2 Кор. 3, 17—18). Напомнимъ также религіозныя мистеріи папистическія, представляющія уже не подобіе театру, а дѣйствительный театръ. Тоже и въ области догматико-канонической. Таинства мыслятся какъ матеріально-чувственные каналы, по которымъ льется благодать и которые отпираетъ и запираетъ священникъ. Почитаніе святыхъ утилизовано въ какую-то копилку (сокровищницу) сверхдолжныхъ дѣлъ, изъ которой, въ случаѣ нужды, можетъ позаимствоваться заслуживающій сего и благонадежный папистъ. Сюда же надо присоединить ученіе о чистилищѣ, основанное на матеріализаціи загробнаго состоянія душъ и на превратно-чувственномъ пониманіи силы и дѣйственности ходатайства соборной Церкви для всѣхъ ея отдѣльныхъ членовъ. Наконецъ, когда искренно и глубоко-вѣрующій папистъ, съ полнымъ подобострастіемъ и неумѣстнымъ благоговѣніемъ, лобзаетъ туфлю Римскаго первосвященника, считаетъ за святыню всякія реликвіи папы, совершаетъ тысяче-верстныя паломничества для того, чтобы получить индульгенцію отъ святаго отца: то не должно-ли это все и подобное вызывать въ насъ мысль, что земной глава Церкви оттѣснилъ тутъ и затмилъ Небесную Главу,—что, лобызая туфлю папы и простираясь предъ нимъ въ прахъ, папистъ забываетъ о Христѣ, невидимо живущемъ въ Церкви и управляющемъ ею,—что тутъ Христосъ-Богочеловѣкъ превращенъ въ папу-человѣка?.. Но каково-же будетъ ваше изумленіе, когда вы узнаете, что эта подмѣна Христа папою канонизована католицизмомъ въ догматѣ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости. Тѣ свойства, которыя должны принадлежать всей видимой и соборной Церкви подъ началомъ невидимой и непогрѣшимой Главы—Христа, папизмъ переноситъ на Римскаго первосвященника, такъ что для Христа Самого и для соборнаго самосознанія всей Церкви уже рѣшительно ничего не остается, кромѣ лишенныхъ содержанія и силы словъ и титуловъ.

Все сосредоточено въ лицѣ одного человѣка: Христосъ, Церковь, вѣра, спасеніе и пр. и пр. Посему: не есть-ли это превращеніе Христа-Богочеловѣка въ папу-человѣка такая же своего рода каррикатура, какую находимъ мы и въ художественномъ реализмѣ Ренановскаго превращенія Христа-Богочеловѣка въ Галилейскаго учителя-человѣка?

Иначе обстоитъ дѣло въ Греко-Русскомъ православіи, представляющемъ истинную средину между обѣими крайностями. Нерѣдко приходилось намъ слыхать, что православіе есть искусственное только и лишенное своего собственнаго положительнаго содержанія отрицаніе двухъ противоположностей,—невозможная и безсодержательная точка безразличія между двумя полюсами. Такія рѣчи и мысли принадлежатъ тѣмъ пустымъ критиканамъ, которые не привыкли долго и глубоко задумываться надъ историческими явленіями вообще и религіозно-нравственными въ частности,—которые хватаютъ острыя и пикантныя сужденьица безъ самобытнаго ихъ переживанія и самодѣятельной провѣрки. Въ сущности-же этимъ высказывается глубочайшая истина православія. Истина, какъ и сама жизнь, именно и состоитъ въ срединѣ между крайностями идеализма и реализма. Опредѣляется она тѣми *краями*, въ которыхъ *идея становится вещью*, res, т. е. совершается жизнь,—и за которыми начинается туманная область отвлеченныхъ *идей* съ одной стороны и неподвижная страна мертвыхъ *вещей* съ другой стороны. Если отвлеченная идея, сама въ себѣ, отрѣшенно отъ предмета и жизни, есть фантомъ, неуловимый какъ греза, постоянно колеблющійся, видоизмѣняющійся и разсѣевающійся въ туманѣ абстракціи: то напротивъ предметъ, ставшій *вещію* или res, т. е. лишившійся *своей* идеи и жизни, есть окаменѣлость, съ опредѣленными и неизмѣнно-правильными геометрическими формами, подлежащими всевозможному произволу экспериментаціи. Въ срединѣ между этими крайностями стоитъ истина жизни. Истина и жизнь не могутъ быть разрѣшаемы въ чистую идею безъ того, чтобы не потеряться въ туманѣ отвлеченнаго небытія,—какъ не могутъ быть онѣ превращаемы и въ вещь—res безъ того, чтобы не обратиться въ неподвижно-мертвую окаменѣлость. Истина, какъ и сама жизнь, занимаетъ средину между неустойчивостью идеи и неподвижностію вещи. Истина, какъ и сама жизнь, не можетъ быть заключена въ одну неизмѣнную

формулу, опредѣлена одною геометрическою фигурою и быть обращена въ отчетливо правильный кристаллъ. Это—особенность только мертвыхъ *вещей.* Какъ и сама жизнь, истина имѣетъ только общіе предѣлы или извѣстныя типическія черты, за которыми начинаются крайности заблужденій, но въ предѣлахъ которыхъ она есть подвижная, живая, дѣйственная сила. Опредѣлять поэтому истину, какъ и жизнь, можно только *догматически*, указаніемъ тѣхъ предѣльныхъ чертъ, за коими начинается ложь,—опредѣленіемъ типа, канона, правила общаго, а не тѣхъ частныхъ, подвижныхъ и неуловимыхъ видоизмѣненій и примѣненій, которыя свойственны всякой живой и дѣйственной истинѣ. Истина и жизнь суть тайна, не подлежащая произволу экспериментатора,—и гдѣ начинается анатомическое и всякое другое разложеніе (анализъ), тамъ жизнь уже перешла въ смерть, организмъ сталъ трупомъ.

Таковъ смыслъ и значеніе православнаго „нераздѣльно и несліянно", которое не только не заслуживаетъ злословія со стороны недомысленныхъ критиковъ-отрицателей, но представляетъ открытіе или исповѣданіе одной изъ величайшихъ тайнъ нравственно-религіозной истины человѣчества. Православно-соборное вѣросознаніе выразило тутъ непреложную истину не только всегдашней и неизмѣнной общехристіанской религіозной вѣры, но и общечеловѣческаго богосознанія, поскольку душа каждаго человѣка есть христіанка по природѣ. Спаситель человѣчества есть Богочеловѣкъ, во единомъ лицѣ соединяющій Бога и человѣка нераздѣльно и неслiянно: вотъ истина, безъ которой нѣтъ ни Бога, ни человѣка, жизни, смысла, правды... Если *слiянно*, такъ человѣчество теряетъ свою личность, свою жизнь и свое бытіе въ безграничной пустотѣ какой-то непонятной и несмысленной игры случая. Если *раздѣльно*, такъ человѣкъ остается безъ Божества, становится самобогомъ и, какъ ничтожность, исчезаетъ въ общемъ небытіи—безконечномъ, безначальномъ, безсмысленномъ и невозможномъ.

Такимъ заявило себя Православіе въ древнюю эпоху христологическихъ ересей, такимъ является оно и понынѣ, въ сравненіи съ протестантизмомъ и папизмомъ.

Возьмемъ-ли догматико-каноническую область, и мы увидимъ, что православіе идетъ срединою между крайностями западныхъ исповѣданій. Если въ протестантизмѣ каждый вѣрующій представ-

ляетъ собою Церковь и носитъ въ себѣ всего Христа, а въ папизмѣ Церковь и Христосъ сосредоточены въ лицѣ одного папы: то въ православіи представителемъ Церкви служитъ соборъ, т. е. не всякій безъ исключенія членъ Церкви и не одинъ только папа, но избранные и довѣренные представители и выразители общецерковнаго вѣросознанія, при томъ соборне, въ братскомъ, дѣйствительномъ и дѣйственно-живомъ общеніи между собою. Православная Церковь есть соборная, а не деспотическая какъ папизмъ и не анархическая какъ протестантизмъ; истина тутъ именно въ братскомъ и именно въ дѣйственномъ общеніи между собою всѣхъ безъ исключенія членовъ Церкви, въ ея жизненно-органической соборности (Ефес. 4, 11—16). Тоже и въ ученіи о благодати и таинствахъ, особенно по отношенію къ евхаристіи. У протестантовъ евхаристія превращена почти въ простой назидательный символъ, почти въ гомилетическое средство наученія вѣрующихъ. Паписты-же готовы видѣть въ таинствѣ евхаристіи внѣшне-магическое и единичное дѣйствіе благодати на вѣрующаго, допуская по этому тайную мессу. Въ православіи, напротивъ, евхаристія есть *таинство собранія* (μυστήριον συνάξεως), —тайна пріобщенія тѣлу и крови Христа именно *въ собраніи* вѣрующихъ, въ ихъ взаимной любви, въ ихъ соборно-органическомъ единеніи и братскомъ общеніи. Православный священникъ не можетъ служить тайной или тихой литургіи неслышнымъ шопотомъ. Тоже—въ ученіи о загробной Церкви и въ молитвахъ Церкви за отдѣльныхъ членовъ своихъ, живыхъ и умершихъ. Если у протестантовъ ходатайство святыхъ и молитвы за умершихъ совсѣмъ отринуты, а у папистовъ это матеріализовано и утилизовано въ сокровищницу сверхдолжныхъ дѣлъ, въ индульгенцію и въ чистилище,—то иначе обстоитъ дѣло у православныхъ: ученіе о ходатайствѣ Святыхъ служитъ у насъ выраженіемъ той непреложной истины, что смерть и обращеніе плоти въ персть не можетъ прерывать органическое единство вѣрующихъ душъ и духовныя связи. Также и дѣйственность общецерковныхъ молитвъ за живыхъ и умершихъ основывается на этомъ нераздѣльно-органическомъ единеніи видимой и невидимой Церкви и на значеніи общецерковнаго подъема религіознаго чувства и святости для отдѣльныхъ членовъ Церкви, т. е. молитвенно восторгаясь къ Богу и поднимая горѣ, ближе къ небесамъ, общій уровень своей святости, вся Церковь со-

борне возноситъ съ собою и каждаго своего отдѣльнаго члена. Молитвы и ходатайство Церкви за отдѣльныхъ чадъ своихъ имѣютъ дѣйственность, подобную той, какою, напримѣръ, подъемъ общаго благосостоянія тѣсно-сплоченной семьи сопровождается для каждаго домочадца особо.

Такъ это и въ богослуженіи. При входѣ въ старинный, истово-православный и русскій храмъ, вы сразу-же чувствуете, что это — не церковно-приходская школа для взрослыхъ и не религіозный театръ, но именно домъ Божій, домъ святыхъ, домъ молитвеннаго созерцанія и вознощенія сердецъ горѣ, отложенія всякихъ попеченій житейскихъ, всего суетно-мірскаго, плотянаго. Таинственный полумракъ, съ мерцающими лампадами и свѣчами, этими дарами и знаками любви къ Богу со стороны вѣрующихъ,—не раздражаетъ ваши глаза рѣзкими и храму не подобающими свѣтовыми эффектами, напротивъ—успокоительно дѣйствуетъ на взволнованную душу, какъ бы знаменуя тотъ невечерній и незаходимый свѣтъ, какой свѣтитъ въ царствѣ Отца Небеснаго. Лики святыхъ спокойные, безъ всякихъ эффектныхъ сценъ, рѣзкихъ позъ, вычурныхъ одѣяній,—отрѣшенные всякой чувственности, болѣе символическіе, чѣмъ реально-художественные,—какъ будто смотрятъ на васъ изъ-за пренебесной своей страны духа, святости, неизмѣнной правды и блаженнѣйшаго покоя... Пѣніе ровное, спокойное, мелодично-стройное, тихое, безъ рѣзкихъ криковъ и раздражающихъ слухъ завываній,—способное укрощать душевныя страсти современныхъ Сауловъ и утишать сердечныя бури взволнованныхъ самолюбцевъ и самоистерзанныхъ завистниковъ. Священнодѣйствія спокойныя, безъ театральныхъ жестовъ и искусственныхъ интонацій, полныя глубокаго религіознаго символизма—внушаютъ невольное чувство благоговѣнія и совершаютъ блаженный подъемъ сердецъ горѣ... И дѣйствительно, присутствующіе не сидятъ какъ школьники на своихъ скамьяхъ съ устремленными въ книжку глазами,—не простираются ницъ, не ползаютъ рабски во прахѣ, но стоятъ *прости*, готовые внимать словамъ божественной премудрости, съ сердцемъ, горящимъ пренебеснымъ огнемъ и устремленнымъ горѣ.. Подлинно, все въ истово-православномъ храмѣ при истово-православномъ богослуженіи и съ истово-православными богомольцами возноситъ васъ отъ земли къ небу, отъ плоти къ духу, отъ юдоли плача, страданій, скрежета зубовъ, за-

висти, эгоизма, зла всякаго рода—въ райскую обитель мира, любви, добра, блаженства, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но вѣчный покой и жизнь безконечная.

Такъ это и въ искусствѣ. Православно-соборное вѣросознаніе Восточно-Русской Церкви никогда и никакихъ калебаній не имѣло относительно того, что образъ Богочеловѣка не долженъ и не можетъ подлежать реально-художественному воиспроизведенію никакого искусства. Для наглядно-реальнаго изображенія Богочеловѣка нѣтъ и быть не можетъ у человѣка ни соотвѣтствующихъ красокъ, ни звуковъ, ни словъ; ибо никакими звуками человѣческой музыки, никакими словами человѣческаго языка, никакими движеніями рукъ и глазъ человѣческихъ невозможно возсоздать образъ богочеловѣка, дать выраженіе безгрѣшной души Искупителя, изобразить нераздѣльное и неслиянное единеніе Божества и человѣчества въ лицѣ воплотившагося Сына Божія,—начертать такое тѣло, которое могло исчезать, ходить по водѣ, сіять небеснымъ свѣтомъ, въ состояніи смерти источать живую кровь, воскреснуть, проникать чрезъ затворенныя двери, вознестись на небо одесную Отца, присутствовать повсемѣстно среди вѣрующихъ на землѣ въ евхаристіи.

Выраженіемъ православнаго вѣросознанія относительно этого можетъ служить извѣстное сказаніе объ Эдесскомъ правителѣ Авгарѣ, пожелавшемъ имѣть изображеніе Христа и для сей цѣли посылавшемъ своего художника въ Палестину. Тщетное желаніе!.. Геній человѣческаго художника не въ состояніи былъ уловить ни единой черты богочеловѣческаго лика, которую онъ могъ бы запечатлѣть своими руками на полотнѣ, ибо для всего надо бы было умертвить эту черту, превратить въ мертвую окаменѣлость, а между тѣмъ во Христѣ все было жизнь, движеніе, и Онъ былъ Сама Жизнь... Только Самъ Христосъ могъ создать *нерукотворенный* образъ Своего безгрѣшнаго Лика,—т. е. отнюдь не реально-художественную *картину*, а именно только *образъ-икону*, религіозно-символическое изображеніе, къ коему не прикоснулась нечистая рука грѣшнаго художника и не положила ни единой, не только грѣшной, а даже и какой либо реально-человѣческой (т. е. мелочной) черты.

Безспорно въ этомъ сказаніи выражается одна изъ глубокихъ истинъ православно-религіознаго вѣросознанія. Въ древнѣйшее время

Церковь предпочитала символическія изображенія Христа —въ видѣ монограммы, агнца, рыбы... А позднѣе, съ широкимъ развитіемъ христіанскаго искусства, мы встрѣчаемъ всегда только однообразно-правильные и условно-символическіе *образа* Христа, безъ этихъ, чисто человѣческихъ, чертъ западнаго реализма, такъ близкаго къ Ренановой каррикатурѣ. Православная Церковь строго слѣдила за святостію изображеній Христа, предписывая для сего строго-опредѣленныя правила художникамъ. Говоря иначе: истое православіе знаетъ только *образъ* или *икону* Христа, а не *картину*, не *портретъ*.

Поучительно въ этомъ отношеніи сравнить убрусы восточно-православный и западно-папистическій. На убрусѣ Вероники мы имѣемъ реально-чувственное изображеніе страдальческаго и *чисто* человѣческаго лика Христа, даже окровавленнаго, —а на убрусѣ, исцѣлившемъ Авгаря, мы созерцаемъ свѣтло-божественный и чудодѣйственный ликъ Христа. Такъ это и въ отношеніи къ Богоматери. Мадонна, нарисованная при посредствѣ натурщицы и разряженная въ національный костюмъ, можетъ возбуждать только чувство отвращенія въ истово-православномъ человѣкѣ. Ликъ Богоматери и Божественнаго Младенца въ нашей Церкви имѣетъ всегда строго-опредѣленный видъ иконы, а не портрета или картины. Такъ и въ отношеніи ко всѣмъ святымъ. Православіе вовсе не желаетъ знать, напримѣръ, какъ напряжены были мускулы и какое выраженіе имѣли глаза Св. Николая, когда онъ ударялъ, въ порывѣ своей священной ревности, нечестиваго Арія [1]). Православный желаетъ созерцать чудотворца не такимъ, какимъ онъ былъ когда-то въ извѣстный моментъ своей жизни во плоти и уже пересталъ быть такимъ, но такимъ, каковъ онъ теперь, т. е. какъ Угодника Божія, помощника вѣрующихъ въ нуждахъ и молитвенника за нихъ предъ Богомъ. Въ этомъ созерцаніи нѣтъ мѣста никакому реализму, никакой чувственности, никакой плотяности.

Говоря общѣе: крайній реализмъ односторонне направляется къ тому, что *было* (что умерло, чего уже нѣтъ и быть не должно), —а крайній идеализмъ односторонне желаетъ того, что *будетъ* (чего слѣдовательно нѣтъ пока и быть пока не должно—свойственное протестантизму увлеченіе апокалиптикою), —напротивъ истина и

[1]) Говоримъ это примѣрно, ибо не знаемъ такой картины у католиковъ.

православіе суть то, что *есть и быть должно*, ибо истина и жизнь есть вѣчное настоящее, стройно и соразмѣрно примиряющее въ себѣ прошедшее и будущее, какъ опредѣляющееся этимъ прошедшимъ (реализмъ) и будущимъ (идеализмъ).

Іерейская совѣсть и священническая честность *).

Еще древніе говорили: „est Deus in nobis", т. е. въ каждомъ человѣкѣ живетъ Богъ, каждый человѣкъ въ душѣ своей находитъ нѣкоторую силу, побуждающую его жить согласно съ волей Божіей и предпочитать добро злу. Эту силу, властно требующую отъ человѣка жить не такъ, какъ ему хочется, а какъ Богъ велитъ, и указывающую ему, что нужно считать добромъ и что зломъ, и называютъ обыкновенно совѣстью, голосомъ Божіимъ въ человѣкѣ, ибо она, по началу своему, есть не что иное, какъ именно вложенная самимъ Богомъ въ душу человѣка способность оцѣнивать нравственное достоинство поступковъ человѣка, награждать его спокойствіемъ душевнымъ за исполненіе того, что ею одобряется, и осуждать, лишать покоя душевнаго тѣхъ, кто не исполняетъ ея велѣній. И какъ бы человѣкъ ни извратилъ свою нравственную природу, этотъ голосъ Божій въ немъ не можетъ быть совершенно заглушенъ ничѣмъ. Потому-то св. апостолъ Павелъ и говоритъ, что даже *язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ; не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую* (Рим. 11, 15).

Но если сущность совѣсти заключается въ свидѣтельствѣ о томъ, что добро и что зло, если совѣсть „есть не что иное, какъ откровеніе воли Божіей о насъ въ нашемъ умѣ и волѣ" *(Гавріилъ)*, то какъ объяснить, что проявленія совѣсти столь различны въ различные вѣка и среди разныхъ народовъ, столь различны даже у современныхъ между собою лицъ? „Ближайшій отвѣтъ на это заключается въ томъ, что совѣсть не есть съ самаго начала совершенный органъ, но разсматриваемая съ своей субъективной стороны—

*] Въ нѣкоторомъ сокращеніи изъ „Под. Епарх. Вѣд." 1898 г. № 6.

она требуетъ развитія, образованія и воспитанія и можетъ развиваться только въ единеніи со всѣмъ нравственнымъ существомъ человѣка“ *(Мартенсенъ)*. А такъ какъ развитіе нравственнаго существа человѣка представляетъ различныя степени, то и проявленія совѣсти бываютъ различны. Такъ, извѣстно, что у нѣкоторыхъ людей совѣсть бываетъ „сожженная“, какъ говоритъ св. ап. Павелъ. Это совѣсть тѣхъ людей, которые находятся на низшей ступени нравственнаго паденія, на степени „скотоподобія“, какъ выразился одинъ богословъ. У нихъ страсти и пороки заглушили все доброе, заглушили и божественный голосъ совѣсти, который почти и не слышится въ ихъ душѣ, вслѣдствіе чего они безъ всякаго внутренняго смущенія „творятъ неподобная“. Къ счастію, такихъ людей немного, и сожженная совѣсть есть явленіе сравнительно рѣдкое. Гораздо чаще встрѣчаются люди, имѣющіе совѣсть „лукавую“ или „немощную“. Лукавая совѣсть есть достояніе тѣхъ людей, которые, творя зло, стараются оправдать себя предъ самими собою, стараются подыскивать извиненіе себѣ въ различныхъ, якобы независящихъ отъ нихъ, обстоятельствахъ, въ стеченіи непредвидѣнныхъ случайностей и т. п. Въ такихъ самооправданіяхъ они успокаиваются духомъ, и совѣсть ихъ хотя и признаетъ дѣянія ихъ до нѣкоторой степени не соотвѣтствующими требованіямъ нравственнаго закона, однако не возвышаетъ своего осуждающаго голоса, довольствуясь представляемыми ей извиненіями и оправданіями. Такое состояніе совѣсти настолько же почти опасно для человѣка, какъ и совѣсть сожженная, почему св. Церковь и научаетъ молиться: „не уклони сердце мое въ словеса лукавствія *непщевати вины о грѣсѣхъ*“. „Немощная“ совѣсть, встрѣчающаяся еще чаще, чѣмъ совѣсть лукавая, проявляется въ неустойчивости сужденій о добрѣ и злѣ, въ недостаточной твердости своихъ требованій и т. п. Это—совѣсть людей непостоянныхъ, слабыхъ волею, не имѣющихъ твердыхъ и опредѣленныхъ правилъ жизни и дѣятельности.

Итакъ, чѣмъ ниже человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ и совѣсть его проявляетъ свою дѣятельность слабѣе. Потому-то людей безнравственныхъ и называютъ попросту безсовѣстными. Такихъ людей обыкновенно боятся, имъ не довѣряютъ, ибо всякій знаетъ, что сдѣлать зло своему ближнему для человѣка безсовѣстнаго ничего не стоитъ... Наоборотъ, человѣкъ высоконравственный,

усвоившій себѣ сердцемъ и душею евангельскій законъ и его требованія, тѣмъ самымъ воспиталъ свою совѣсть, сдѣлалъ ее чуткою ко всякому малѣйшему отступленію отъ духа заповѣдей Господнихъ и безъ всякихъ оговорокъ подчиняется ея велѣніямъ. Для него нарушить требованія совѣсти - даже въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ поступкахъ—значитъ обречь себя на нравственныя терзанія, на душевную муку. Такую совѣсть, всегда стоящую на стражѣ нравственнаго закона и неумолимо обличающую человѣка за всякое отступленіе отъ требованій этого закона, Св. Писаніе называетъ совѣстью доброю, благою, а людей, имѣющихъ такую совѣсть, называютъ обыкновенно людьми совѣстливыми.

Итакъ, совѣсть бываетъ, вообще говоря, или злая или благая (то и другое въ различной, конечно, степени), и такое различіе ея зависитъ отъ нравственнаго уровня, на которомъ стоитъ человѣкъ. Слѣдовательно, ни званіе, ни состояніе, ни внѣшнее положеніе человѣка не могутъ быть показателями того, какова его совѣсть. И бѣдный и богатый, и знатный и простолюдинъ одинаково могутъ быть какъ безсовѣстными людьми, такъ и совѣстливыми, одинаково могутъ имѣть или совѣсть благую, или совѣсть лукавую. Потому-то никогда не говорится, напр., о совѣсти людей бѣдныхъ или богатыхъ, высокопоставленныхъ или простыхъ. Такое опредѣленіе совѣсти ничего не говорило бы, потому что, какъ замѣчено, положеніе человѣка не характеризуетъ состоянія его совѣсти. Но если такъ, то что-же значитъ часто употребляемое выраженіе „іерейская совѣсть". Обозначается ли этимъ особый видъ совѣсти, не подходящій подъ категорію благой и злой, или этимъ выражается нѣчто другое?

Чтобы понять, что выражается словами „іерейская совѣсть", необходимо обратить вниманіе на то, что такое іерей и какими нравственными качествами онъ долженъ отличаться.—Пастырское служеніе есть высочайшее служеніе на землѣ. Оно есть служеніе духа и правды, служеніе мира и любви. „Оно, какъ выражается св. Іоаннъ Златоустъ, хотя и совершается на землѣ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій", ибо „не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, не другая какая сотворенная сила, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе". Не менѣе высоки и обязанности, возлагаемыя на пастырей. Они должны словомъ истины при-

влекать къ Церкви и удерживать въ нѣдрахъ ея людей, должны возраждать ихъ водою и духомъ, должны питать ихъ души благодатію Св. Духа, подаваемою въ таинствахъ, должны быть для христіанъ наставниками, учителями, руководителями, должны утѣшать страждущихъ, примирять враждующихъ, „для всѣхъ сдѣлаться всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 22).

Въ соотвѣтствіе съ такой высотой какъ званія пастырскаго, такъ равно и тѣхъ обязанностей, какія возлагаются на пастырей, отъ нихъ требуется и особая нравственная чистота, требуется, чтобы они стояли на высшей возможной для человѣка степени нравственнаго совершенства, чтобы достигали возможной для человѣка святости и безгрѣшности. Для достиженія такого состоянія пастыри получаютъ благодать Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Посредствомъ взаимнаго содѣйствія божественной благодати и человѣчеcкой свободной дѣятельности и можетъ быть достигнутъ тотъ высшій уровень нравственнаго совершенства, на которомъ долженъ стоять священникъ.

Такимъ образомъ, по самой идеѣ о пастырскомъ служеніи, пастырь долженъ быть человѣкомъ высоконравственнымъ, долженъ при помощи благодати Божіей воспитать свою душу въ строгомъ и полномъ подчиненіи всѣмъ требованіямъ нравственнаго христіанскаго закона. Если же такимъ долженъ быть пастырь въ нравственномъ отношеніи, то отсюда понятно, что совѣсть пастыря, *совѣсть іерейская*, должна отличаться всѣми тѣми совершенствами, какія только возможны для совѣсти человѣческой. И прежде всего, она должна отличаться особой *чуткостью*. Подобно бдительному стражу, отъ котораго не укроется ни малѣйшій подозрительный шорохъ со стороны непріятельскаго лагеря, котораго непріятель никогда не захватитъ врасплохъ, который всегда во-время предупредитъ довѣрившихся его охранѣ о приближеніи опасности,—подобно этому и совѣсть іерея всегда неусыпно должна бодрствовать на стражѣ его внутренняго „я“, всегда предупреждать его объ опасностяхъ, которымъ такъ легко подвергается человѣкъ, увлекаемый похотями плоти, очесъ и гордости житейской. Міръ, такъ какъ онъ во злѣ лежитъ, много соблазновъ представляетъ человѣку, и представляетъ иногда въ такомъ видѣ, что человѣку, совѣсть котораго не отличается особой чуткостью, трудно бываетъ во время остеречься отъ увлече-

ній этими соблазнами. Ничего подобнаго не должно быть съ іереемъ: его совѣсть не должна позволять себѣ быть обманутой никакими прикрасами грѣха, но всегда показывать носителю ея грѣхъ въ его настоящемъ видѣ. Конечно, такая чуткость совѣсти можетъ быть достигнута только путемъ тщательнаго самонаблюденія, путемъ внимательнаго отношенія къ себѣ и къ окружающимъ человѣка явленіямъ нравственнаго міра, путемъ тщательнаго воспитанія самой совѣсти. Этотъ процессъ воспитанія долженъ совершаться еще до принятія высокаго сана іерейскаго, въ періодъ подготовки къ пастырскому служенію...

Но какъ стражъ только тогда можетъ своевременно, не возбуждая ложной тревоги, предупредить объ опасности, когда онъ хорошо знаетъ, какія дѣйствія непріятеля слѣдуетъ считать угрожающими осажденнымъ, такъ и чуткость совѣсти, выражающаяся въ своевременномъ предупрежденіи человѣка о нравственной опасности, возможна лишь тогда, когда совѣсть ясно сознаетъ, что должно считать опаснымъ и что никакой опасности не представляетъ. А такое сознаніе, или, что то же, *справедливость въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ*, можетъ быть достигнута лишь подъ условіемъ яснаго и точнаго усвоенія пастыремъ нравственнаго закона христіанскаго, усвоенія не по буквѣ только, но и по духу. При этомъ, такъ какъ пастырское служеніе есть служеніе особое, и нравственность пастыря должна стоять выше того уровня, который обязателенъ для всѣхъ вообще христіанъ, то посему пастыри всегда должны помнить, что не все, позволенное христіанамъ вообще, дозволено и имъ, ибо, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, „все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ" (1 Кор. VI, 12, 10, 23) Поэтому совѣсть іерея должна быть справедливою въ оцѣнкѣ не въ томъ смыслѣ, что она должна безошибочно опредѣлять нравственное достоинство поступковъ съ точки зрѣнія общехристіанской морали, но должна оцѣнивать ихъ съ высшей точки зрѣнія, именно—съ точки зрѣнія морали іерейской.

Наконецъ, послѣднее качество, какимъ должна отличаться совѣсть іерейская, это ея *неумолимость (строгость, неподкупность)*, не дозволяющая ей входить ни въ какіе компромиссы съ самой собою, не дозволяющая ей оставлять безъ вниманія и наказанія ни-

какого нарушенія требованій добра и справедливости. Уже въ самой природѣ совѣсти заложено начало судебное, начало, наказующее преступника, преслѣдующее его внутренними терзаніями, отъ которыхъ онъ уйти не можетъ. Примѣръ этому мы видимъ въ лицѣ Каина, который, будучи бѣглецомъ и странникомъ на землѣ, напрасно старался убѣжать отъ самаго себя и того обвиненія, которое раздавалось изъ глубины его существа, будучи въ тоже время его самообвиненіемъ. Но этотъ осуждающій голосъ въ совѣсти iерея долженъ раздаваться громче и сильнѣе, чѣмъ въ душѣ другихъ людей, и не долженъ поддаваться никакимъ стороннимъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ. Ни внѣшнія выгоды и удобства, ни ухищренія злой воли, ни хитросплетенные доводы разсудка не должны заставить совѣсть iерея измѣнить самому себѣ или вынудить у него согласіе на дѣяніе не только злое, но даже и сомнительнаго достоинства. Результатомъ правильной и энергичной дѣятельности совѣсти въ указанныхъ выше направленіяхъ является особое ея состояніе, которое можно назвать *чистотою, или незазорностью*, т. е. такое ея состояніе, при которомъ она не имѣетъ никакого основанія упрекать iерея въ нарушеніи какого-либо предписанія нравственнаго закона. Такое именно состояніе совѣсти и разумѣютъ, когда говорятъ о совѣсти iерейской. Слѣдовательно, *совѣсть iерейская—есть* (по крайней мѣрѣ должна быть) *совѣсть чистая, незазорная*. Безъ такой совѣсти iерей не имѣетъ нравственнаго права и быть iереемъ, ибо если, по словамъ творца Великаго канона, для всѣхъ людей „ничтоже въ мірѣ нужнѣйше есть чистой совѣсти“, то тѣмъ болѣе это необходимо для того, кто самимъ званіемъ своимъ призванъ быть „свѣтомъ міру“. Потому-то такъ часто въ молитвахъ, возносимыхъ iереемъ, выражается прошеніе о томъ, чтобы Господь помогъ служителю Своему сохранить совѣсть чистою, незазорною...

Итакъ, когда называютъ совѣсть „iерейскою“, то этимъ хотятъ выразить мысль объ особой чистотѣ и незазорности ея,—такой ея чистотѣ, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала какъ высотѣ пастырскаго служенія и важности тѣхъ обязанностей, какія на iереевъ возлагаются, такъ равно и тому довѣрію, какое оказывается пастырямъ,—довѣрію, въ силу котораго они, напр., не приводятся къ присягѣ. Въ случаѣ надобности они даютъ показаніе „по священству“ (Св. зак., т. XV, розд. 2, ст. 265), такъ какъ предпола-

гается, что совѣсть ихъ настолько чиста и настолько строга, что и безъ особыхъ внѣшнихъ побужденій, какимъ является присяга для другихъ лицъ, не дозволитъ имъ дать ложное показаніе.

Изъ сказаннаго очевидно уже, когда іерей теряетъ обязательную для него чистоту совѣсти. Не распространяясь, скажемъ, что если онъ нерадивъ въ исполненіи своихъ обязанностей, или если и выполняетъ ихъ, но „не ради Іисуса, а ради хлѣба куса", безъ сердечнаго участія, лишь бы была соблюдена форма, онъ уже не есть истинный іерей, пастырь,—онъ уже наемникъ, и его совѣсть не можетъ быть названа совѣстью чистою. Тѣмъ болѣе омрачается его совѣсть, когда онъ дозволяетъ себѣ нарушать въ чемъ-либо требованія закона нравственнаго и закона церковнаго, напр., дозволяетъ себѣ неумѣренное употребленіе вина, не соблюдаетъ постовъ, ведетъ жизнь, вообще говоря, неприличную пастырю. Съ такой нечистой совѣстью ему нельзя и приступать къ престолу благодати и преломлять хлѣбъ жизни, ибо къ страшному престолу можно приступать лишь съ чистою и незазорною совѣстью,—съ такой совѣстью, которая не обличаетъ ни въ чемъ ея носителя, но не обличаетъ не потому, что она сожжена или лукава, а потому, что дѣйствительно ей не въ чемъ упрекать того, кому она принадлежитъ.

Но кромѣ выраженія „іерейская совѣсть", очень часто употребляется еще выраженіе „*священническая честность*". Что же такое эта священническая честность? Понятіе честности употребляется обыкновенно въ довольно ограниченномъ смыслѣ. Такъ, мы называемъ честнымъ того, напр., купца, который не обвѣшиваетъ покупателей, не продаетъ гнилаго товара за свѣжій, не старается во вредъ своему конкуренту распускать про него дурные слухи и т. п. Честнымъ мы называемъ того чиновника, который аккуратно и съ должной внимательностью относится къ своей службѣ, не уклоняетъ данныхъ ему вѣсовъ правды ни одесную, ни ошуюю, не зритъ на лице, поборяя по истинѣ. Честнымъ мы называемъ и того ученаго, который въ своихъ научныхъ изысканіяхъ руководится не корыстью или общественнымъ мнѣніемъ, но интересами науки, благомъ ближнихъ, и который не стѣсняется свидѣтельствовать предъ всѣми открытую имъ истину, хотя-бы она, какъ Іисусъ Христосъ предъ Иродомъ, казалась многимъ странною и вызывала противъ

открывшаго ее негодованіе толпы. Словомъ, называя того или другаго человѣка честнымъ, мы принимаемъ во вниманіе прежде всего, если не исключительно, его отношеніе къ тѣмъ обязанностямъ, какія на него возложены въ обществѣ. Но сфера отношеній человѣка этимъ не ограничивается. Каждый человѣкъ находится во взаимообщеніи съ другими людьми и внѣ сферы своихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ отношеній. И вотъ, если въ отношеніи къ другимъ людямъ всегда и вездѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ должно, какъ того требуетъ основная заповѣдь христіанская, такого человѣка мы называемъ „честнымъ человѣкомъ". Очевидно, что понятіе „честный человѣкъ" шире понятіе „честный купецъ", „честный чиновникъ" и т. д., потому что можно быть честнымъ купцомъ, но не честнымъ человѣкомъ. Наоборотъ, честный человѣкъ во всѣхъ положеніяхъ и во всякомъ званіи будетъ честнымъ. Честный человѣкъ, напр., не можетъ быть нечестнымъ купцомъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ уже перестанетъ быть честнымъ человѣкомъ. Но если такъ, то что же такое честность священническая? Неужели, требуя, чтобы іерей имѣлъ честность *священническую*, мы тѣмъ самымъ какъ бы не считаемъ для него обязательной честности въ болѣе широкомъ смыслѣ?

Въ отвѣтъ на это скажемъ слѣдующее. Священство есть такое званіе, которое обязываетъ человѣка, удостоившагося получить его, быть образцомъ для другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. „*Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*" (1 Тим. IV, 12) — заповѣдуетъ св. апостолъ Павелъ всѣмъ іереямъ, т. е. іерей долженъ быть и образцовымъ человѣкомъ и образцовымъ пастыремъ. И послѣдняго онъ можетъ достигнуть не иначе, какъ только подъ условіемъ перваго. Если въ жизни наблюдается иногда такое явленіе, что, напр., честный купецъ бываетъ въ то же время нечестнымъ человѣкомъ, то такое раздвоеніе въ лицѣ пастыря невозможно. Честный священникъ не можетъ быть нечестнымъ человѣкомъ, ибо на дѣло пастырскаго служенія должны быть посвящены всѣ силы человѣка, вся его личность, а потому малѣйшее нарушеніе честности пастыремъ, какъ человѣкомъ, налагаетъ на него пятно безчестія и какъ на священника. Такимъ образомъ, выраженіе „честность священническая" обозначаетъ высшую степень честности и притомъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ. Потому-то св. Амвросій Медіоланскій и говоритъ, что „honor sacerdotalis nullis poterit comparationibus adaequari“.

Но этого еще мало. Честность или нечестность обыкновенно проявляется въ сферѣ внѣшнихъ отношеній. Честность проявляется въ его поступкахъ и есть соотвѣтствіе ихъ съ правилами и требованіями христіанской морали, требованіями долга, званія. При этомъ внутренняя, такъ сказать, подкладка дѣяній человѣка, мотивы его дѣятельности не всегда принимаются во вниманіе. Для насъ бываетъ иногда безразлично, почему человѣкъ поступаетъ честно,—лишь бы только онъ такъ поступалъ. Пусть купецъ и вовсе не имѣетъ расположенія торговать честно, пусть онъ поступаетъ такъ изъ страха или корыстныхъ разсчетовъ, и все-таки мы его считаемъ честнымъ купцомъ. Но въ отношеніи честности священнической требованія гораздо строже: *священническая честность должна* имѣть въ основѣ своей не какія-либо низкія и корыстныя цѣли (награды, отличія и т. п.), а *быть проявленіемъ благой совѣсти*, стремящейся всегда и во всемъ выполнять высшія требованія христіанской морали изъ любви и уваженія къ этимъ требованіямъ,—такъ, чтобы никогда не было разлада между благимъ и честнымъ дѣломъ пастыря и его желаніями и стремленіями.

Такова должна быть честность священническая. Конечно, жизнь представляетъ намъ иногда примѣры иного пониманія честности священнической, и притомъ самими священниками. Нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что честность должна состоять лишь въ томъ, чтобы на виду у другихъ ни въ чемъ не нарушать требованій честности. Если же что-либо можно учинить хотя и безчестное само въ себѣ, но безнаказанно,—потому ли, что оно совершено тайно, или потому, что совершившій сумѣлъ ловко опереться на законъ,—таковой поступокъ безчестнымъ не считаютъ. Но не предъ людьми только іерей долженъ стараться о снисканіи званія „честный“, ибо честный въ глазахъ людей можетъ быть иногда безчестнымъ и мерзкимъ въ глазахъ Божіихъ. Только тогда священникъ можетъ быть честнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, когда всѣ дѣла его и поступки будутъ вытекать изъ требованій благой и незазорной совѣсти, когда, слѣдовательно, онъ честенъ не по поступкамъ только, но и по мыслямъ и по настроенію.

А. Н.

Извѣстія и замѣтки.

— *Служеніе литургіи на греческомъ языкѣ.*—10 мая (нед. о слѣпомъ) въ семинарскомъ Спасо-Преображенскомъ храмѣ была совершена Божественная литургія на греческомъ языкѣ. Священнодѣйствовалъ литургію о. Ректоръ семинаріи, протоіерей В. Успенскій, въ сослуженіи духовника семинаріи о. М. Якушевскаго и діакона семинарской церкви П. Рохаnскаго. Несмотря на необычность этого явленія,—литургія прошла въ замѣчательно стройномъ порядкѣ,—ни замѣшательства, ни перерывовъ и остановокъ не было. Часы очень бойко, отчетливо и осмысленно прочелъ воспитанн. V кл., М. Успенскій, а Блаженны (3-й антифонъ), Апостолъ (съ соотвѣтствующей интонаціей голоса) и Символъ вѣры столь же хорошо—воспит. VI кл., М. Шалыгинъ. Литургійныя пѣснопѣнія исполнялись двумя семинарскими хорами и—къ чести ихъ сказать весьма стройно и съ большимъ одушевленіемъ. Особенное впечатлѣніе оставило исполненіе „Господи, помилуй“ греческаго напѣва — обоими хорами и „Трисвятаго“, „Херувимской“, „Тебе поемъ“ и „Христосъ воскресе“—правымъ хоромъ. Храмъ былъ буквально полонъ молящимися и по преимуществу—изъ интеллигенціи. Здѣсь были между прочими и воспитанницы старшихъ классовъ женскаго училища духовнаго вѣдомства и женской Маріинской гимназіи.

— *Крещеніе еврейской семьи.*—10 мая, въ 6 ч. вечера, въ Могилевскомъ каѳедральномъ соборѣ совершено было крещеніе цѣлой еврейской семьи, состоящей изъ землевладѣльца д. Завережья, Вендорожской волости, Могилевскаго уѣзда,—Веніамина Каца 35 л., его жены 32 л., двухъ ихъ сыновей—9 и 6 л. и дочери—4 лѣтъ. Крещеніе совершалъ о. ключарь собора, священникъ І. Туторскій, пѣли воспитанники духовной семинаріи; воспріемниками были: князь и княгиня Вяземскіе, г-жи: Горжейская, Космачевская и Краснопольская, г.г. Внуковъ, Игнаціусъ, Казановичъ и Кранцъ. Новокрещеннымъ наречены имена Владиміра, Маріи, Константина, Павла и Маріи. Крещеніе цѣлой еврейской семьи въ Могилевѣ—явленіе рѣдкое.

— *Отрадный фактъ въ жизни одного сельскаго священника.*— Свящ. Т. Л—кимъ въ «Кіев. Еп. Вѣд.» сообщено слѣдующее. «Рѣдко читаешь или слышишь, чтобы мужички наши искренно цѣнили труды своего батюшки, уважали своего пастыря и выражали бы это въ добрыхъ своихъ отношеніяхъ къ нему. Еще болѣе рѣдкое явленіе, чтобы мужички наши, въ знакъ особеннаго своего расположенія къ батюшкѣ, подносили ему дорогіе знаки своего вниманія, въ видѣ креста или иконы, не въ юбилейные только дни священника, а въ обыкновенное время. Мѣсто

такому рѣдкому и весьма отрадному явленію недавно было въ селѣ Озерянахъ, Радомысльскаго уѣзда. Въ виду исключительности его и утѣшительнаго характера, считаю не лишнимъ подѣлиться разсказомъ объ этомъ фактѣ и съ другими.

Приходъ Озеряне—маленькій, представляющій много неудобствъ для постояннаго жительства тамъ. Не смотря на это, мѣстный священникъ Г. А., при помощи Божіей, благодаря своей энергичной натурѣ и умѣнью жить съ людьми, прожилъ въ немъ около 30 лѣтъ. Въ такой немалый періодъ священникъ Г. А. съумѣлъ кротостью и разумной строгостью постоянно держать своихъ прихожанъ въ послушаніи Церкви Божіей. Спокойная распорядительность, умѣнье разрѣшать различнаго рода недоразумѣнія, привѣтливое, кроткое обращеніе съ прихожанами—снискали ему должное расположеніе. Долго думали мужички, какъ бы порадовать своего батюшку, чѣмъ бы выразить свою любовь къ нему. Кстати случай представился. Узнали они, что всѣмъ священникамъ пожалованы особые наперстные кресты, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Обрадовались мужички, что нашелся поводъ выразить свое вниманіе и тогда же рѣшили купить на собственныя средства этотъ крестъ и поднести священнику. Заказали крестъ довольно цѣнный, въ 50 рублей, въ Москвѣ. Когда былъ полученъ ими этотъ крестъ, выбрали самое лучшее время для поднесенія священнику, предъ началомъ литургіи. Былъ большой праздникъ. Стеченіе народа было большое. Выборный отъ крестьянъ, почетный старичекъ, сталъ впереди всѣхъ, держа крестъ на блюдѣ. Когда священникъ предъ началомъ литургіи кадилъ церковь и выходилъ изъ алтаря, выборный съ глубокимъ поклономъ и со словами: «пріймите отъ насъ, батюшка, подарокъ», приподнесъ крестъ. Священникъ былъ глубоко тронутъ такимъ дорогимъ вниманіемъ своихъ прихожанъ. Принявши съ благоговѣніемъ этотъ крестъ, священникъ только этвѣтилъ: «благодарю васъ, братцы, за вашъ дорогой подарокъ». Началась божественная служба. Въ концѣ литургіи, во время чтенія псалма: «Благословлю Господа на всякое время», священникъ, вышедши изъ алтаря, счелъ нужнымъ и благовременнымъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ выразить чувства радости и благодарности: «Православные христіане! дорогіе мои прихожане! Глубоко тронутъ я вашимъ любезнѣйшимъ вниманіемъ. Благодарю я, конечно, прежде всего Господа Бога, что Онъ призрѣлъ и на меня уничиженнаго, доставилъ мнѣ великую радость въ моей жизни,—воочію видѣть расположенность моихъ прихожанъ ко мнѣ, ввѣренныхъ мнѣ Самимъ Богомъ для руководства ко спасенію. Значитъ, между нами есть взаимная любовь! О, если такъ, то все есть,—есть и спасеніе. Гдѣ любовь, тамъ

и Богъ. А апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ прямо говоритъ: «если я имѣя всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто». Великій даръ Божій—любовь, а особенно, если эта любовь существуетъ между пастыремъ и пасомыми. Еще благодарю Господа Бога за оказанную мнѣ великую милость, ибо вѣрую, что не по дѣламъ моимъ Господь содѣлалъ сіе, а единственно по Своей милости. Благодарю также и васъ, мои дорогіе прихожане, за ваше доброе сердце, доброе желаніе жить со мной по-христіански. Много обрадовали вы меня, братья. Вы поддерживаете во мнѣ бодрость духа, вы даете мнѣ возможность нести свое отвѣтственное служеніе съ радостью, а не воздыхающе. Да пріиметъ Господь Богъ ваше усердіе и да благословитъ Господь Богъ васъ и дѣтей вашихъ здравіемъ, долголѣтіемъ и вѣчнымъ спасеніемъ; да оградитъ васъ сей животворящій крестъ, которымъ вы высказали такое дорогое вниманіе ко мнѣ, отъ всѣхъ напастей вражіихъ! Аминь».

Поистинѣ отрадный фактъ въ жизни священника! Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ свѣтлыхъ явленій въ жизни сельскаго священника! Дай Богъ, чтобы привѣтливость, простота, искренность и любовь всегда царствовали въ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми!»

— *Населеніе Сѣверо-Западнаго края.*—На основаніи послѣдней переписи (28 янв. 1897 г.) можно сдѣлать нѣсколько не лишенныхъ интереса выводовъ относительно населенія Сѣверо-Западнаго края.

Въ шести губерніяхъ этого края насчитывается всего населенія свыше 10 милл. (10.126.295); первое мѣсто по численности занимаетъ Минская губ., имѣющая немного болѣе 2 милл. жителей; затѣмъ слѣдуетъ Могилевская, въ которой считается 1.708.041 чел.; остальныя губерніи почти равны по числу населенія, котораго въ каждой немного болѣе $1^1/_2$ милл. Изъ 10126295 д. населенія обоего пола Сѣверо-Западнаго края на городскія поселенія приходится 1201015 душъ, т. е. 11,87%. Въ частности, въ Могилевской губерніи городское населеніе составляетъ 8,59%, въ Витебской 14,65%, Минской 10,67%, Виленской 13,28%, Гродненской 15,82%, Ковенской 9,54%. Такимъ образомъ, какъ по цифрѣ городского населенія, такъ и по процентному отношенію его къ общему количеству жителей, наша губернія занимаетъ послѣднее мѣсто. Иначе говоря, Могилевская губернія—по преимуществу предъ всѣми другими—губернія деревенская, крестьянская, сельское населеніе которой составляетъ свыше 91%. Всѣхъ городскихъ поселеній въ краѣ 79. На одно городское поселеніе приходится среднимъ числомъ 15123 д. обоего пола Въ Вильнѣ, многолюднѣйшемъ изъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, живетъ почти 160 т. населенія; за нею слѣдуетъ Минскъ (91 т.); а за-

тѣмъ города: Бѣлостокъ, почти въ полтора раза превышающій численностью (64 т.) свой губ. городъ Гродну (47 т.), Ковна (73 т.), Двинскъ (72 т.), въ которомъ жителей на 6 т. болѣе, чѣмъ въ губ. городѣ Витебскѣ (66 т.), Брестъ (46 т.), Бобруйскъ (35 т.), Пинскъ (27 т.) и Полоцкъ (20 т.). Во всѣхъ остальныхъ городахъ Сѣверо-Западнаго края цифра жителей не доходитъ до 20 т. въ каждомъ. Въ нашей губерніи особенною быстротой роста населенія отличается г. Гомель, въ незначительное время опередившій всѣ уѣздные города губерніи. Въ немъ теперь 37 т. душъ. Изъ 147 т. душъ обоего пола наличнаго городскаго населенія нашей губерніи, 80 т. приходится на Могилевъ и Гомель, и только 67 т. на всѣ остальные 11 городовъ, считая и заштатные Копысь и Бабиновичи. Изъ городовъ этой категоріи, болѣе 10 т. жителей имѣетъ только Орша (13 т.). Свыше 5 т. жителей въ городахъ: Рогачевѣ (9 т.), Мстиславлѣ (8 т.), Быховѣ и Горкахъ (по 6 т.), Чаусахъ и Чериковѣ (по 5 т.). Въ остальныхъ затѣмъ четырехъ городахъ жителей менѣе 5 т. въ каждомъ. Такъ, въ Климовичахъ и Сѣннѣ по 4 т., въ Копыси 3 т. и въ Бабиновичахъ 1 т. Число женщинъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ на 11 тысячъ превышаетъ число мужчинъ, но въ общей суммѣ городского населенія въ каждой губерніи этого края перевѣсъ на сторонѣ мужчинъ, особенно въ тѣхъ городахъ, которые отличаются торговою, фабричною или заводскою дѣятельностью. Въ большей части городовъ нашей губерніи число душъ мужескаго пола вообще довольно близко къ числу женскаго. Исключеніе составляютъ лишь Гомель и Рогачевъ, въ которыхъ цифра населенія мужескаго пола превышаетъ цифру женскаго почти на 2 т. въ каждомъ. Но это явленіе въ Рогачевѣ объясняется присутствіемъ войскъ, а въ Гомелѣ, кромѣ того, обиліемъ рабочихъ, служащихъ въ мастерскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Затѣмъ. женщинъ болѣе нежели мужчинъ—въ Могилевѣ (на 102 д.), Быховѣ (226 д.), Мстиславлѣ (251 д.) и Оршѣ (219 д.). Въ общемъ же, число мужского населенія въ Могилевской губерніи превышаетъ число женскаго на 2848 душъ. (Мог. Губ. Вѣд.).

— *Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.* (Письмо въ редакцію).—Императорское Московское Археологическое Общество, имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммиссію, важнѣйшею задачей которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ напр. собранія коллекціонеровъ, семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства въ означенныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла весьма важныя въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е. частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ, не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно,

занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленіи вышеозначенныхъ свѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее:

1. Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,—независимо отъ времени ихъ написанія, какъ-то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,—вообще о памятникахъ бытового, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2. Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ *), какія именно въ немъ рукописи (перечень **), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы

---

*) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

**) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть: указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр., кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда; краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей и всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3. Общество позволяетъ себѣ также обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, присылать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы ***).

Если лица, описывающіе документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ высылать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4. Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе Общество покорнѣйше проситъ лицъ, не имѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей), сообщать краткія.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ, были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5. Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ, будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммиссіи.

6. Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей. предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію.

Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ (апрѣль). Отдѣлъ I. Святаго отца нашего Кирилла Архіепископа Александрійскаго толкованіе на пророка Захарію—Отдѣлъ II. Философъ Аристидъ и его недавнооткрытая апологія. Историческія свѣдѣнія объ Аристидѣ и его сочиненіяхъ. **А. И. Покровскаго.**—Русскій расколъ и все-

***) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а, по соглашенію, и доставку ихъ.

ленское православіе. **И. М. Громогласова.**—Отдѣлъ III. Врачебная дѣятельность священника и пастырское дѣло.—Страница изъ исторіи православной миссіи въ Китаѣ. (Письма миссіонера). Монголія.—Протоіерей А. А. Лебедевъ. (Почетный Членъ Московской Духовной Академіи). († 23 марта 1898 г.). **И. И. Корсунскаго.**—Отдѣлъ IV. Основные элементы государственнаго строя Византіи въ пониманіи русскаго ученаго. (Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія В. М. Грибовскаго, приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1897 г.). **И. Д. Андреева.** —Недоразумѣнія по старо-католическому вопросу. **А. А. Кирѣева.**—Отдѣлъ V. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго—Протоколы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи за 1897 г.—Объявленія.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ (май) I. Архипастырское привѣтствіе Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, митрополита Московскаго, своей новой паствѣ (Съ приложеніемъ его портрета).—II. Нравственный образъ Іисуса Христа и о подражаніи Христу. **Преосвященнаго Никанора, Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго.**—III. Изъ автобіографіи игумена Парѳенія. Сообщилъ, съ предисловіемъ, редакторъ „Троицкихъ листковъ" **Архимандритъ Никонъ.**—IV. Бесѣды на Евангліе отъ Іоанна. **Святѣйшаго Вселенскаго Патр. АНѲИМА VII.** Перевелъ съ греческаго настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ Прот. **А. К. Смирнопуло.**—V. Къ чему обязываетъ насъ имя христіанина? **Преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго.** (Къ 3 мая).—VI. Небесная радость послѣ побѣды надъ врагами спасенія. **Его же.** (Къ 7 мая).—VII. Объ угощеніяхъ по случаю крестинъ, свадебъ, похоронъ. **Его же.** (Къ 10 мая).—VIII. Сравненіе дающихъ съ принимающими. **Его-же.** (Къ 17 мая).—IX. Состояніе души, облагодатствованной Святымъ Духомъ. **Его-же** (Къ 24 мая).—X. О воспитаніи благородной дѣвицы. Князя **А. А.** Ширинскаго-Шихматова. Сообщилъ прот. **В. І. Жмакинъ.**—XI. Памяти протоіерея Троицкой на Арбатѣ, въ Москвѣ, церкви Ипполита Михаиловича Богословскаго-Платонова. **Прот. В. С. Маркова.**—XII. Святитель Ѳеофанъ затворникъ и подвижникъ Вышинской пустыни. **И. А. Крутикова.**—XIII. Письмо преосвященнаго Ѳеофана-Затворника къ Н. И. К.—XIV. Катихизическія бесѣды. **Свящ. С. М. Садковскаго.**—XV. Монахи до монашества. О. инспектора Филаретовскаго Епарх. училища. **М. І. Хитрова**—XVI. Святый праведный Филаретъ милостивый. **Его-же.**—XVII. Воспоминанія о Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ. **Свящ. О. Василія Булгакова.**—XVIII. Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій. Проф. Моск. Дух. Акад. **И. Н. Корсунскаго.**—XIX. Изъ путевыхъ записокъ поклонника святымъ мѣстамъ священнаго Востока. Свящ. **А. Анисимова.**—XX. Письма іеросхимонаха отца Амвросія. Сообщилъ начальникъ Оптинскаго скита **іером. О. Іосифъ.**—XXI. Къ вопросу объ единеніи Англиканской церкви съ Православною. **С. Н. Чистякова.**—XXII. Низложеніе злоумышленій человѣческихъ.—XXIII. По поводу дивнаго чуда. **Православнаго Читателя.**—Отъ редакціи. Объявленія.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ (мартъ). I. „Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ (1871—1883)". Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **Л. Н. Майкова.**—II. „Невинная игра". Повѣсть. Гл. XIV—XXI **А. В. Стернъ.**—III. „Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. 1859 годъ" Гл. VI. Князя **Н. В. Шаховскаго.**—IV. „Подъ разными флагами".

Романъ. Часть первая. Гл. VII. **Ѳ. Э. Ромера**—V. „Статскій армейцу“. **Н. Ф. Павлова.** Съ предисловіемъ и письмомъ къ академику Я. К. Гроту. **П. Шейна.** —VI. „Изъ далекаго прошлаго“ VI. Изъ тревожной эпохи. Гл. II. Сельцо Дарьино. **П. П. Суворова**—VII. „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образовнія“. Часть вторая. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи Гл. V—VI. Графа **П. А. Капниста.**—VIII. „Какое счастье! милый, это былъ лишь сонъ“... Стихотвореніе **Н. Ѳ. Плахово**—IX. „Книги особенной замѣчательной судьбы“. Гл. I—III. **В. В. Розанова.**—X. „Путешествія по Россіи великаго Царя-Миротворца Александра III Александровича“ **А. А. Шевелева.**—XI. „Мечта“ Стихотвореніе **Ѳеодора Сологуба.**—XII. „Сотрудники князя Адама Чарторыйскаго въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія въ Виленскомъ учебномъ округѣ“. **Ю. Ѳ. Крачковскаго**—XIII. „Неравный бракъ“ Повѣсть. **Ф. Эвартъ** (Переводъ съ нѣмецкаго **О. И. Прибытковой**).—XIV. „Воспоминанія объ Альфонсѣ Додэ“. **Леона Доде.** (Переводъ съ французскаго **А. I. Ч.**)—XV. „Изъ Гете“. Стихотвореніе. **А. Эмге.**—XVI. „Нессесеръ“. Пасхальный разсказъ. **Жипа.** (Переводъ съ французскаго **О. И. П.**)—XVII. „Изъ „Нигяристана“ „Кемаль-паши“. Стихотворенія. **Ѳ И. Уманца.**—XVIII. Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей“. Изъ воспоминаній объ И. А. Гончаровѣ. **И. К.** XIX. „Критика“: Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Гл. III. **В. Смирнова**—XX. „Библіографія“ 1) Философія исторіи, 2) Исторія 3) Воспоминанія, 4) Этнографія, 5) Этика. 6) Справочники, 7) Статистика.—XXI „Изъ вопросовъ вѣры и жизни“. Логическій конецъ сектантства. Свящ. **I. И. Фудель.**—XXII. „Внутреннее обозрѣніе“: Законъ введенія суда присяжныхъ въ четырехъ губерніяхъ.—Два мнѣнія объ этой формѣ суда.—Отношеніе присяжныхъ къ преступленіямъ противъ собственности и личной безопасности и дѣтоубійствамъ.—Непонятная снисходительность.—Мнѣніе объ институтѣ нѣмецкаго ученаго.—Подрывъ чувства законности.—Отсутствіе практической необходимости преобразованія **А. И. Елишева**—XXIII. „Иностранное обозрѣніе“ **Не-дипломата**—XXIV. „О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ при царѣ Алесѣѣ Михайловичѣ. Преф. **Г. А. Муркоса.** —XXV. Книги, поступившія въ редакцію.—XXVI. Объявленія.—XXVII. Приложеніе: „Крестоносцы“ Историческій романъ **Генриха Сенкевича** (Переводъ съ польскаго. **I Чичаговой**).

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Изъ исторіи Могилевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства (окончаніе). *А. Троицкаго.*—Протестантизмъ, католичество и православіе. (Сравнительная харктеристика).—Іерейская совѣсть и священническая честность. *А. Н.*—Извѣстія и замѣтки.—Библіографическій указатель.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1898 г. 29 мая. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей I. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.